

Джеймс Хэдли

ЧЕЙЗ

НЕГДЕ
СПРЯТАТЬСЯ
ЗОЛОТОЙ РЫБКЕ

«Шантаж — это не по мне... Какой толк от миллиона, если потом угодишь за решетку или словишь пулю?»

Дж. Х. Чейз

Джеймс Чейз

Негде спрятаться золотой рыбке

«Азбука-Аттикус»

1974

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д. Х.

Негде спрятаться золотой рыбке / Д. Х. Чейз — «Азбука-Аттикус», 1974

ISBN 978-5-389-21367-8

Виртуоз лихо закрученного сюжета, английский писатель Джеймс Хэдли Чейз по сей день остается непревзойденным мастером «крутого детектива», произведения которого пользуются неизменным успехом у читателей во всем мире. За полвека писательской деятельности он создал около ста романов, половина которых была экранизирована. «Все, что нужно моим читателям, – добротное чтение: именно это я и стараюсь им дать...» – так объяснял свой успех автор. Журналист Стив Мэнсон, герой романа «Негде спрятаться золотой рыбке», получает предложение занять место главного редактора журнала, призванного изобличать коррупционеров и мошенников. Безупречная репутация Стива должна стать ему защитой от влиятельных врагов. Но в один прекрасный день он понимает, что его блестящая карьера катится в тартарары. Выясняется, что его красотка-жена – воровка, и Стив оказывается в руках шантажиста...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21367-8

© Чейз Д. Х., 1974
© Азбука-Аттикус, 1974

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	18
Глава третья	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Джеймс Хэдли Чейз

Негде спрятаться золотой рыбке

James Hadley Chase

GOLDFISH HAVE NO HIDING PLACE

Copyright © Hervey Raymond, 1974

All rights reserved

© А. С. Полошак, перевод, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Глава первая

Жарким воскресным вечером я сидел дома один-одинешенек. Самое время взглянуть на себя со стороны. Подумать о пропасти между мной и Линдой – в последнее время она, эта пропасть, становилась все шире. Прикинуть, способен ли я построить через нее мостик. Ну и взвесить свое финансовое положение. А оно, честно говоря, было неважное.

Линда уехала к Митчеллам. Сам я отговорился: мол, работы полно. Линда пожала плечами, схватила купальник и умчалась, взяв с меня расплывчатое обещание появиться у Митчеллов ближе к ночи. Я знал, что ей все равно, покажусь я там или нет.

В нашем бассейне засорился фильтр, благодаря чему у меня появилась редчайшая возможность провести воскресенье в одиночестве. И я не преминул ею воспользоваться.

Уселся на солнышке и занялся самокопанием. Итак, мне тридцать восемь лет, парень я здоровый, спортивный и подтянутый. Кроме того, обладаю творческим складом ума. Короче говоря, не обидела природа.

Года три назад я служил в «Лос-Анджелес геральд». Работал обозревателем, вел постоянную рубрику и добился на этом поприще кое-каких успехов. Работа была скучная, но платили неплохо. Я только что женился на Линде, а запросы у Линды были непомерные, так что денежный вопрос стоял весьма остро.

Однажды вечером, будучи в Сан-Франциско, я оказался на одном из тех невыносимо скучных коктейльных приемов, где серьезные дяди ведут разговоры о делах, а на заднем фоне щебечут их женушки. По большому счету делать мне там было нечего, но я боялся пропустить что-нибудь важное. Такой уж я человек: стараюсь ничего не пропускать, если это в моих силах. В общем, я подпирал стену, потягивал виски со льдом и подумывал, не пора ли сматывать удочки. И тут ко мне подошел Генри Чандлер.

Поговаривали, что он стоит двести миллионов долларов. Его королевство зиждилось на трех краеугольных камнях: компьютеры, кухонная техника и замороженные продукты. Еще у Чандлера была пара побочных проектов: газетка под названием «Калифорния таймс» и глянцевого журнала, скроенный по лекалам «Вог» – так, чтобы продавать богачам всякую модную дребедень. Чандлер был главным городским квакером и, пожалуй, самым щедрым меценатом в наших краях. Выстроил за собственные деньги здоровенную квакерскую молельню, но остался наименее популярным из местных воротил.

– Мэнсон, – сказал он, позыркивая на меня из-под набрякших век, – читал вашу колонку, читал. Хорошая. Да и сами вы большой талант. Загляните ко мне завтра в десять утра.

Я заглянул и выслушал его предложение. Оказалось, Чандлер решил запустить в печать еще один ежемесячник, посвященный критике властей, и уже придумал для него название – «Глас народа». Продавать свое новое детище он планировал по всей Калифорнии.

– Наш штат, – сказал он, – погряз в коррупции. Наши политики – бесчестные мошенники. Моя организация раздобудет для вас все нужные сведения, если вы укажете, в каком направлении копать. Уверен, такая задача вам по плечу, а посему предлагаю вам редакторское место. Мои ребята уже изучили всю вашу подноготную, положили рапорт мне на стол, и я остался им доволен. Людей можете набрать самостоятельно. Много народу вам не потребуется, ибо все технические вопросы можно спихнуть на персонал моей газеты. О расходах не беспокойтесь. Если журнал прогорит, получите выходное пособие в размере двухлетнего жалования. Но он не прогорит. Вот, взгляните: я набросал краткий план. Как видите, вам гарантирована всесторонняя поддержка. Ваша задача – разнюхивать, где дело нечисто. Если подадут в суд за клевету, я разберусь. На вас будет работать первоклассное детективное агентство – кстати, тоже мое собственное. Уж поверьте, разгрести навоз вам не придется, ибо в этом нет необ-

ходимости. Все и так на виду. В центре нашего внимания будет администрация, полиция, взяточники и коррупционеры. Ну как, интересно?

Я забрал план с собой, чтобы прочесть как следует. Предложение было весьма заманчивое. Таких мне раньше не делали. Я обсудил все с Линдой, и она разволновалась не меньше моего. Все повторяла: «Тридцать тысяч!» – и лицо ее сияло от восторга. «Наконец-то съедем из этой богом забытой дыры!»

Мы с Линдой познакомились на коктейльном приеме у одного многообещающего политика. Я тут же влюбился. Сидя на солнышке, я вспоминал тот момент, когда впервые увидел ее. Таких великолепных женщин я раньше не встречал: блондинка, красавица, глаза огромные, сияющие, а фигура... Такой фигуре самое место в Палате мер и весов: грудь тяжелая, талия осиная, бедра крепкие, ножки стройные, и кажется, что от самых ушей растут. Короче говоря, секс-символ класса люкс. А ей понравилось, что я веду рубрику в разделе светской хроники: стало быть, вращаюсь среди важных персон. По ее словам, ей тогда показалось, что я на диво романтичен.

Она работала на хозяина вечеринки: добавляла тусовке гламура, развлекала публику и подливала виски в стаканы. Зарабатывала какую-то мелочь. И если ей верить, никаких обжиганий по углам.

Через неделю мы поженились. После первой брачной ночи мне бы следовало насторожиться. Я не увидел никакой страсти, вообще никаких эмоций. Линда просто отдалась мне, но я вознадеялся, что смогу пробудить в ней чувства. Нужно лишь набраться терпения. Ага, раз мечтался. Вскоре выяснилось, что завести ее способны только деньги. Я же с ума по ней сходил. В итоге влез в долги. Линда беспрестанно скупала всякий хлам: сумки, шмотки, побрякушки. Я же хотел, чтобы она была счастлива, поэтому ни слова ей не говорил. А она все ворчала. Терпеть не могла нашу скромную квартирку. Хотела себе автомобиль: почему это я разъезжаю на машине, а ей приходится трястись на автобусе? Я же, влюбленный, все старался ее урезонить. Помню, как-то взял бумажку и все подсчитал, чтобы она поняла: ну нет у нас возможности купить все на свете. Но она на ту бумажку и смотреть не стала. «Ты же знаменитость, – сказала она. – Твое имя у всех на слуху, должно же у тебя быть что-то за душой. Хватит прибедняться».

И вот, когда я уже всерьез начал беспокоиться, поступило предложение от Чандлера.

– А я знаю, где мы будем жить! – заявила Линда. – Мы будем жить в Истлейке! Там такая красота! И все под рукой. Завтра же едем выбирать дом.

Я заметил, что работу мне пока что не дали. К тому же я и сам еще не принял решения. А главное, Истлейк – поселок не из дешевых, и мы вряд ли потянем такое жилье даже с учетом моих тридцати тысяч.

После этого замечания случилась наша первая серьезная ссора. Линда так разбушевалась, что я просто оторопел. Ругалась на чем свет стоит и даже швырнула в меня парой безделушек. От растерянности я пошел на попятную: пообещал, что приму предложение Чандлера и мы с ней обязательно съездим взглянуть на Истлейк. Линда тут же повисла у меня на шее и принялась извиняться за «плохое поведение».

В общем, я отправился к Чандлеру и сказал, что согласен на редакторское место.

Перекатывая в пухлых губах внушительную сигару, Чандлер сидел за столом и выглядел на все свои двести миллионов. А то и на триста.

– Прекрасно, Мэнсон. Контракт уже готов. – Помолчав, он пронзил меня взглядом из-под набрякших век. – И еще одно. Вашей мишенью будут коррупционеры и мошенники. Запомните: отныне вы как золотая рыбка в круглом аквариуме. Будьте осторожны. Не давайте оппонентам шанса нанести ответный удар. Не забывайте: золотые рыбки всегда на виду. Взять, к примеру, меня. Я квакер, верю в Бога и горжусь своей верой. К моей личной жизни не подкopaешься. Попрекнуть меня не в чем. И вы, вы тоже должны быть безупречны во всем, понятно? Не садитесь за руль в нетрезвом виде, не валяйте дурака с женщинами. Вы человек респекта-

бельный, женатый. Пусть все так и остается. Никаких долгов, никаких сомнительных историй, на радость нашим противникам. Стоит вам оступиться, и ваше имя ославят во всех газетах штата. Отныне вы призваны изобличать коррупционеров и мошенников, а значит, наживете немало врагов. И они распнут вас при первом же удобном случае.

Поскольку мне нужны были эти тридцать тысяч в год, я сказал, что все понимаю. Подписал контракт, пожал Чандлеру руку, вышел из его богатого кабинета и направился к машине, мучимый дурными предчувствиями. Я уже был в долгах. Превысил банковский кредит. И еще у меня была Линда, которая только и знала, что тратить мои деньги.

И все же я, дурак, повелся на ее уговоры и купил дом.

В Истлейке селятся люди с доходом значительно выше среднего. Дома там роскошные, класса люкс, с ковровым покрытием, посудомоечными машинами, кондиционерами и всем на свете, включая поливалки для газонов. Идут по семьдесят пять тысяч долларов за штуку, плюс-минус. В центре поселка – искусственное озеро размером в пару сотен акров. Клуб, конное подворье, теннис, спортивный бассейн, поле для гольфа (с фонарями, чтобы ночью было светло как днем) и огромный магазин самообслуживания, тоже класса люкс. На полках все, что душе угодно: от булавок до черной икры.

Линда говорила, что Истлейк – это рай на земле. Туда уже перебрались некоторые ее подружки. Если где и жить, то только там. Ну вот, я и купил дом. Взял чудовищную ипотеку. С учетом выплат, налога на недвижимость, коммуналки и повседневных расходов мои тридцать тысяч в год мигом превратились в двадцать.

Мы переехали, и Линда была на седьмом небе от счастья. На меблировку ушли все мои сбережения. Признаю, дом был великолепный, и я им гордился, но в глубине души не прекращал подсчитывать убытки. Соседи у нас были молодые, не старше нас, но я подозревал, что эти парни зарабатывают побольше моего. Каждый вечер мы или ходили в гости, или устраивали вечеринки у себя дома. Линда, само собой, захотела собственную машину. Я купил ей «остин-мини-купер». Думаете, она угомонилась? Ага, как же. Теперь ей понадобились ультрамодные наряды: мол, подружки каждый день в новом, а она что, хуже? Готовить Линда не умела, работу по дому терпеть не могла, и поэтому мы наняли здоровенную чернокожую женщину по имени Сисси. Раз в два дня она приезжала на выдавшем виды «фордике», а когда уезжала, я становился беднее на двадцатку. В тот день, когда я подписывал контракт, тридцать тысяч выглядели неплохо. Теперь же они превратились в пустое место.

По крайней мере, журнал пользовался большим успехом. Мне посчастливилось переманить к себе двух первоклассных репортеров, Уолли Митфорда и Макса Берри. Детективное агентство Чандлера завалило нас информацией. Чандлер ссудил мне собственного рекламщика, а тот свое дело знал, так что финансовых проблем у журнала не было. С помощью Митфорда и Берри я разоблачил множество коррупционных схем и тем самым нажил немало врагов. Пришлось с этим смириться. Моей мишенью была администрация и видные политические фигуры. После четвертого номера многие меня возненавидели, но поделаться ничем не могли, ибо я строго придерживался фактов.

Сидя на солнышке и подводя итоги, я понимал, насколько буду уязвим, если враги начнут прощупывать мою личную жизнь. Мой кредит был превышен на три тысячи долларов. Я жил не по средствам. Был не способен контролировать расходы Линды. Стоило какому-нибудь журналисту намекнуть, что наш с Линдой брак трещит по швам, Чандлер обратил бы на меня свой хмурый взор: его семейная жизнь была безупречной.

В следующем номере «Гласа народа» – тот должен был выйти в середине месяца – я сосредоточил внимание на шефе полиции. Им был капитан Джон Шульц. Изумленно вскинув брови, я вопрошал: как вышло, что он ездит на «кадиллаке», живет в доме за сто тысяч долларов, учит двоих сыновей в университете, а жена его щеголяет в норковой шубе? Шульцем я занялся по требованию Чандлера: тот ненавидел капитана лютой ненавистью. В статье моей не

было ни слова лжи, но если нападаешь на шефа полиции, готовься к неприятностям. Я знал: как только журнал появится в продаже, мне придется соблюдать предельную осторожность. Ни единого штрафа за парковку в неполюженном месте, ни рюмки за рулем: на меня будет охотиться каждый коп в городе.

Глядя на пустой бассейн, я задавался вопросом: верной ли дорогой я иду? В отличие от Чандлера, я не придерживался квакерских взглядов на жизнь. Я работал за деньги. Чандлеру хорошо, он разберется с любым иском за клевету. И он прирожденный крестоносец. А я – нет.

Завтра было первое число. Время платить по счетам, денек не из приятных. Я ушел к себе в кабинет и следующие два часа разбирался, сколько мы с Линдой задолжали. Сумма долга превышала квартальную выплату от Чандлера на две тысячи триста долларов. Я проанализировал расходы. Если не считать трат Линды, больше всего уходило на мясо и спиртное. Если дважды в неделю развлекать десяток-полтора гостей – стейк за стейком, бутылка за бутылкой, – никаких денег не хватит. Плюс Сисси, плюс ежемесячные платежи за две машины – мою и Линды, – плюс бытовые расходы, подоходный налог, налог на недвижимость... Как бы еще глубже не влезть в долги.

Я уселся. Такое чувство, что меня загнали в угол. Нужно что-то делать, но что? Напрашивался очевидный вариант: продать дом и переехать в скромную городскую квартиру. Но соседи по Истлейку уже считали меня успешным парнем. Выкинуть белый флаг и сдаться? Нет, такого я себе позволить не мог.

Зазвонил телефон.

– Привет, Стив! – сказал Гарри Митчелл. – Ну ты приедешь? Жарить тебе стейк?

Я помедлил, глядя на бумаги на столе. Какой смысл сидеть, словно на уроке арифметики?

– Конечно, Гарри, жарь. Скоро буду.

Положил трубку и решил: утро вечера мудренее. Завтра что-нибудь придумаю. Хотя здравый смысл нашептывал: даже не надейся.

Придется поговорить с Линдой. Эта мысль вселяла в меня ужас. Я знал, что Линда закатит сцену. Перед глазами живо стояла наша последняя ссора. Но никуда не денешься, разговора не избежать.

Нам нужно урезать расходы. Линда должна пойти мне навстречу.

Я запер дом, направился к гаражу и сел в машину. Митчеллы мне нравились: и Гарри, и Пэм. Гарри зашибал неплохие деньги на торговле недвижимостью. Должно быть, получал втрое больше моего.

Не припомню, чтобы на воскресном барбекю у них собиралось меньше тридцати человек.

И я поехал к Митчеллам, без особенной надежды бубня себе под нос, что завтра все образуется.

* * *

В понедельник утром, когда я явился на работу, Джин Киси, моя секретарша, уже была на месте и разбирала почту.

Опишу ее в общих чертах: двадцать шесть лет, высокая брюнетка с хорошей фигурой. Не красавица, но миловидная и знает свое дело на все сто процентов. Она перешла ко мне из-под Чандлерова крыла. Была у него четвертой секретаршей, и расстался он с ней весьма неохотно. Сказал, что делает мне ценный подарок. Не обманул: Джин и впрямь оказалась весьма ценным подарком.

– Доброе утро, Стив, – улыбнулась она. – Вас вызывает мистер Чандлер. Сказал: «Как только объявится, чтобы сразу ко мне».

– Он не сообщил, зачем я ему понадобился?

– Не волнуйтесь. Говорил он дружелюбно, так что зовет вас не для выволочки.

Я взглянул на часы. Было восемь минут десятого.

– Он вообще когда-нибудь спит?

Джин рассмеялась:

– Иногда. Ступайте, он ждет.

Я спустился к машине и поехал к зданию, в котором располагался кабинет Чандлера.

Его секретарша – женщина средних лет с глазами острыми, как кончики ледорубов, – махнула рукой на дверь:

– Мистер Чандлер ожидает вас, мистер Мэнсон.

Чандлер сидел за огромным столом и просматривал почту. Когда я вошел, он поднял глаза, откинулся на спинку массивного кресла и указал мне на стул для посетителей:

– Стив, вы потрудились на славу. Только что читал материалы по Шульцу. Ну, этот сукин сын у нас попляшет. Хвалю.

Я сел.

– Не исключено, мистер Чандлер, что это я у него попляшу.

Он усмехнулся:

– Верно подмечено... Об этом я и хотел поговорить. Отныне у вас на спине нарисована мишень. На вас натравят всех местных полицейских. Меня они боятся, но вас – нет. Готов поспорить, через несколько недель Шульц подаст в отставку, но перед этим он попробует нанести ответный удар. И я хочу уладить этот вопрос. – Помолчав, он внимательно уставился на меня. – Скажите, у вас есть проблемы личного толка?

– А у кого их нет? – спросил я. – Да, у меня есть проблемы личного толка.

Он кивнул:

– Денежные или что-то похуже?

– Денежные.

– Точно? Будьте честны со мной, Стив. Вы славно потрудились во благо журнала, и я на вашей стороне.

– Нет, только денежные.

– Так я и думал. Что, красавица-жена загоняет в долги?

– Я сам загоняю себя в долги, мистер Чандлер.

– Ну да, ну да. В наши времена люди склонны жить не по средствам. Тратят больше, чем зарабатывают. Жены соревнуются между собой, а это дело недешевое. Со мной такого, конечно, не случилось. И никогда не случится. Но о ваших проблемах мне известно. Эта ваша статья... За нее полагается премия. – Он бросил на стол чек. – Расплатитесь с долгами и впредь присматривайте за своей супругой. Она, конечно, красотка, но женщинам нельзя давать слишком много воли.

Я взял в руки чек. На нем была проставлена сумма: 10 000 долларов.

– Спасибо, мистер Чандлер.

– И смотрите, чтобы это не повторялось. Помните, я вам говорил: золотые рыбки всегда на виду. А вы сейчас живете в аквариуме. В этот раз я помогу вам, чтобы вы могли начать все с чистого листа. Но если не возьмете ситуацию под контроль, я сделаю вывод, что нам с вами не по пути.

Мы переглянулись.

– Понятно.

Я заехал в банк и обналичил чек. Поговорил с Эрни Мэйхью, моим банковским менеджером. Денег хватило, чтобы закрыть овердрафт, погасить долги, еще и на балансе кое-что осталось. Я вышел из банка как человек, сбросивший с плеч тонну цемента.

Вчера я намеревался поговорить с Линдой на финансовые темы. Но мы так засиделись у Митчеллов, что подходящей возможности не представилось. Мы оба были слегка навеселе и сразу завалились в постель. Я полез было с нежностями, но Линда отодвинулась, пробормотав:

«Ой, бога ради... только не сейчас». Оставалось лишь отойти ко сну. Когда я встал, сварил себе чашку кофе и отправился на работу, жена еще спала.

Утро прошло за подготовкой номера к печати. Из-за статьи про шефа полиции я решил увеличить тираж на пятнадцать тысяч экземпляров.

Пообедав за рабочим столом, я взялся планировать следующий номер.

Пока я возился с бумажками, мне не давала покоя мысль, что вечером предстоит разговор с Линдой.

«В этот раз я помогу вам, чтобы вы могли начать все с чистого листа. Но если не возьмете ситуацию под контроль, я сделаю вывод, что нам с вами не по пути».

Намек весьма прозрачный. Мне было известно, что Чандлер не шутит на подобные темы. В общем, сегодня поговорю с Линдой начистоту. Ей следует понять, что такая жизнь нам не по карману.

Из-за предстоящей битвы с Линдой – а битва будет, да еще какая! – сосредоточиться на делах было невозможно. Я отодвинул стул, встал и принялся расхаживать по просторному кабинету. Из-за двери доносилось еле слышное клацанье пишущей машинки Джин, а из-за стены – голос Уолли Митфорда: тот надиктовывал что-то в микрофон своего «грюндига». Я взглянул на часы на столе. Было пятнадцать минут пятого. До разговора с Линдой оставалось убить два часа.

Закурив сигарету, я подошел к огромному окну с видом на город. Из-за смога автомобилисты вынуждены были включать фары. Я взглянул на здание, в пентхаусе которого находился офис Чандлера. Там тоже горел яркий свет.

Пискнул интерком. Я подошел к столу и щелкнул переключателем.

– Мистер Мэнсон, к вам некий мистер Горди, – сообщила Джин. – Желает с вами встретиться.

Горди? Впервые слышу.

– Что ему нужно?

После паузы Джин сказала с некоторым беспокойством:

– Он говорит, дело личное и конфиденциальное.

– Пусть подождет три минуты и войдет.

За это время я успею зарядить пленку в магнитофон, подключить микрофон, сесть за стол и закурить новую сигарету.

Открыв дверь, Джин впустила в кабинет долговязого тощего мужчину в стареньком, но тщательно отутюженном костюме. Ему было лет сорок, и он уже начал лысеть. Лоб у него был широкий, подбородок узкий, нос тонкий, глаза глубоко посажены, а губ, считайте, и вовсе не было.

Я встал, чтобы пожать ему руку. Ладонь его была сухой и жесткой.

– Мистер Горди?

– Совершенно верно, Джесс Горди. – Он улыбнулся, обнажив мелкие желтые зубы. – Вы меня не знаете, мистер Мэнсон. Но я о вас, конечно же, слышал.

Я указал на стул:

– Присядьте, пожалуйста.

– Спасибо. – Усевшись, он достал пачку «Кэмел» и закурил. В его неторопливых движениях, раскованных манерах, надменной физиономии было что-то зловещее.

– Так чего вы хотели? – Я передвинул какие-то бумаги, чтобы показать, как сильно я занят.

– У меня есть для вас любопытная информация, мистер Мэнсон. Для любопытной статьи. – Он снова обнажил желтые зубы в деланой улыбке. – Я преданный читатель вашего журнала. Издание высокого класса. То, что нужно нашему городу.

– Приятно слышать, мистер Горди. Что это за информация?

– Для начала позвольте сказать пару слов о себе. Я управляющий магазином самообслуживания «Добро пожаловать». Он находится в Истлейке. По-моему, вы к нам не заглядывали, но рад сообщить, что ваша супруга регулярно у нас бывает. – Губы его вновь разошлись в улыбке. Я опять увидел желтые зубы и наконец понял, кого он мне напоминает. Крысу, вот кого. – Все дамы Истлейка – наши постоянные покупательницы.

У меня росло чувство, что разговор вот-вот перейдет в неприятную плоскость. Тем не менее я старался выглядеть заинтересованным, одобрительно кивал и слушал.

– Мистер Мэнсон, вы создали прекрасный журнал, в котором решительно осуждаете мошенников и прочих нечистых на руку людей. Это высокая миссия, заслуживающая всяческих похвал, – сказал Горди. – Я прочел все ваши выпуски и жду не дождусь следующего. – Подавшись вперед, он стряхнул пепел в мою стеклянную пепельницу. – Я пришел к вам, мистер Мэнсон, чтобы сообщить о мелком воровстве в моем магазине. Ну как, мелком... За год у нас украли товаров на восемьдесят тысяч долларов.

Я удивленно уставился на него:

– То есть жители Истлейка за год обокрали вас на восемьдесят тысяч?

Он кивнул:

– Именно так. Не знаю почему, но люди, даже вполне обеспеченные, совершают кражи. Это странный факт, и до сих пор ему не найдено объяснения. Служанка потратит десятку и утащит пару пачек сигарет. Богатая дама потратит сотню и вдобавок украдет флакон дорогих духов.

Ого, это уже интересно. Если он говорит правду, можно настроить громкую статью. Чандлер будет в восторге.

– Вы меня удивили, мистер Горди, – сказал я. – И у вас есть доказательства?

– Несомненно.

– Какие?

Потушив окурочек, он прикурил новую сигарету и с улыбкой взглянул на меня.

– Директор решил установить в магазине видеонаблюдение, хоть это и недешево. Теперь мы видим, что творится в каждом уголке торгового зала. Камеры ввели в эксплуатацию две недели назад. Директор говорил с шефом полиции, и тот охотно заведет уголовное дело на вора – при условии, что на пленке будут убедительные доказательства кражи. – Он развалился на стуле. – У меня, мистер Мэнсон, есть пленка со столь убедительными доказательствами, что я никак не могу решить, стоит ли передавать ее в руки капитана Шульца. Мне кажется, сперва надо посоветоваться с вами и другими джентльменами, чьи жены ходят ко мне в магазин.

По спине у меня прошел холодок.

– Не понимаю вас, мистер Горди. – Голос мой прозвучал хрипло. – Что вы хотите сказать?

– Мистер Мэнсон, прошу: давайте не будем тратить время. Это ценный ресурс. И для вас, и для меня. – Он вынул из кармана конверт и бросил его на стол. – Вот, взгляните. Это увеличенный кадр с двадцатифутового отрезка пленки. Думаю, даже этого достаточно – не считая самой записи, – чтобы в полной мере убедиться, что миссис Мэнсон большая шалунья.

Я взял конверт и вынул из него глянцевую фотографию. На ней была Линда. С хитрым лицом она прятала в сумочку флакон «Шанель № 5».

Сидя неподвижно, словно каменное изваяние, я смотрел на снимок.

– Разумеется, она не одна такая, – негромко сказал Горди. – Этим занимаются и другие дамы Истлейка. На пленке очень много интересного. Капитан Шульц без труда заведет несколько уголовных дел. Не исключено, что ваша красавица-жена, мистер Мэнсон, угодит за решетку.

Я медленно опустил фотографию на стол.

Горди поднялся со стула.

– Понимаю, вы шокированы, – сказал он, вновь обнажив желтые зубы. – Вам нужно время, чтобы все обдумать. И даже обсудить это с миссис Мэнсон. Ситуация печальная, но мы можем все уладить. Прежде чем передать эту разоблачительную пленку капитану Шульцу, я могу вырезать фрагмент с участием вашей супруги и вернуть его вам. Такая услуга будет стоить двадцать тысяч долларов. Недорого, с учетом того, что вы человек успешный. Приглашаю вас в гости. Зайдите ко мне завтра вечером, захватите с собой деньги. У меня скромный домик неподалеку от вашей роскошной резиденции. Истлейк, номер сто восемьдесят девять.

Подавшись вперед, Горди внимательно смотрел на меня. Глаза его были словно льдинки, а улыбка превратилась в хищный оскал.

– Завтра вечером, мистер Мэнсон. И только наличными.

Он вышел из кабинета, а я остался сидеть за столом, глядя на прелестное лицо Линды и понимая, что она совершила очень, очень дурной поступок. Теперь мне придется спасать ее от тюрьмы.

Но как?

Я всегда говорил себе: если меня станут шантажировать, я немедленно обращусь в полицию. Иного выхода из такой ситуации попросту нет. Но из-за журнальных нападок на Шульца дорога к нему была закрыта.

Он, несомненно, раздавит Горди. Но не пощадит и Линду. Если только...

Может, отозвать статью? До отправки номера в типографию еще целая неделя. Материалов у меня хоть отбавляй. Можно подготовить другую статью, но Чандлер-то уже одобрил эту. И выписал за нее десять тысяч долларов премии, чтобы я погасил долги. Сумею ли я убедить его, что некоторые факты недостаточно хорошо проверены и нам могут выставить чертов иск по делу о клевете?

В дверь постучали. Вошел Уолли Митфорд.

– Стив, ты успел взглянуть на черновик? Про новое здание школы?

Мне хотелось побыть одному и подумать, поэтому слова «да-да, присаживайся» дались мне не без труда.

Опустившись на стул, Уолли принялся раскладывать бумаги по столешнице. Я сунул фото Линды в ящик стола и выключил магнитофон.

Уолли был приятный парень лет сорока, довольно упитанный. Линия роста волос у него уже начала сдвигаться к макушке, глаза скрывались за толстыми линзами очков, а нижняя челюсть была такая, что позавидовал бы и бульдог. Я повидал немало специалистов по журналистским расследованиям и могу сказать, что Уолли был лучшим в своем деле.

Мы обсудили новую школу: муниципальные власти поручили ее строительство подрядчику, запросившему подозрительно высокую цену. Уолли навел справки и выяснил, что за эту работу готовы были взяться как минимум три подрядчика с более скромными аппетитами.

– Это все Хэммонд, – сказал он. – Ему светит приличный откат. Надо бы им заняться. Ну что скажешь?

– Для начала узнай, какую информацию собрал Уэббер.

Уэббер руководил детективным агентством Чандлера.

– О'кей. – Уолли черкнул что-то в блокноте. – Стив, у тебя все нормально? Выглядишь так, словно грипп подцепил.

– Голова болит, только и всего. – Помолчав, я продолжил: – Эта статья про Шульца... Как считаешь, стоит ее печатать?

– Печатать? – Он изумленно смотрел на меня. – Что за шутки?

– Да я вот думаю... Как бы нам не накликать беду. Сам понимаешь, полицейским все это не понравится. Дело может принять нехороший оборот – для всех нас.

– Мы же говорили на эту тему, когда составляли план статьи, разве нет? – Уолли усмехнулся. – Ты утвердил план, я написал текст. Так что если кому и грозят неприятности, то только

нам с тобой. Но беспокоиться не о чем. Что нам копы? Я веду себя как надо, ты тоже... так какие проблемы? – Он посмотрел мне в глаза. – Что, Стив, струсил? Боишься, что все твои скелеты из шкафа достанут? – Его широкая ухмылка меня не утешила. – К тому же шеф дал зеленый свет. Если будут неприятности, он все уладит. А этот сукин сын Шульц давно напрашивается.

– Да. Хорошо. Поговори с Уэббером. Узнай, что можно накопать по Хэммонду.

Задумчиво взглянув на меня, он собрал бумаги и направился к двери.

– Ты сегодня не надрывайся, Стив. Ложись спать пораньше.

Когда он ушел, я перемотал пленку и сунул бобину в карман. Фотографию убрал в портфель и вышел в приемную.

– Я домой, Джин. Простыл, наверное. Если что случится, Уолли пока на месте.

Она озабоченно взглянула на меня:

– У вас дома есть «Аспро»?

– Ну а как же. К утру буду как огурчик. – И я вышел в коридор.

Дверь кабинета Уолли была открыта. Я заглянул к нему:

– Я домой, Уолли. Будут проблемы, звони.

– Проблем не будет. Не засиживайся допоздна.

Я постоял у двери и наконец спросил:

– Скажи, Ширли ходит в магазин «Добро пожаловать»?

Ширли, милая и хозяйственная женщина, была женой Уолли.

– В эту обдираловку? – Уолли помотал головой. – У них цены задраны процентов на пятнадцать, если сравнивать с другими магазинами в округе. Там покупаются только богачи и снобы. Кстати, Стив, неплохо бы сделать материал про этот универсам. Привести владельцев в чувство.

– Хорошая мысль. Ну что ж, до завтра.

Я вошел в лифт и спустился на первый этаж. Сел в машину, повернул ключ зажигания и уныло уставился в ветровое стекло.

И что мне делать? Двадцать тысяч долларов к завтрашнему вечеру, или запись окажется на столе у Шульца. Я представил, как полицейские арестуют Линду и какую шумиху поднимет пресса. Чандлер тут же укажет мне на дверь. Я подумал о соседях: как они начнут перешептываться и покачивать головами. Впервые с момента свадьбы я был рад, что у нас с Линдой нет детей.

Но должен же быть какой-то выход?

Я погасил овердрафт. Может, Эрни Мэйхью ссудит мне двадцать тысяч? Поразмыслив на эту тему, я понял, что такого не будет. В лучшем случае Эрни даст мне пять тысяч, да и то, если я придумаю железное оправдание. А где взять остальное? Я вспомнил про ростовщика Лу Мейра, будущего фигуранта одного из наших расследований. Макс Берри, мой второй репортер, уже набросал черновик статьи о том, как Мейр ссуживает деньги под шестьдесят процентов, а его коллекторы – настоящие головорезы – поколачивают тех бедолаг, для кого эта ставка оказывается непомерной.

Может, если зарубить статью, Мейр выдаст мне ссуду под разумный процент? Но я вспомнил, что Чандлер уже видел черновик Макса и дал добро на публикацию.

Переключив рычаг передач в положение «D», я отправился домой.

* * *

Город с его смогом остался позади. Я вновь оказался под жарким вечерним солнцем и наконец-то дышал чистым воздухом. Как я и предполагал, Линды не оказалось дома. Она укатила куда-то на своем «остин-купере», даже не закрыв ворота. Я поставил машину в гараж,

взглянул на часы – было самое начало седьмого, – отомкнул дверь, ведущую из гаража в дом, и отправился к себе в кабинет. Зарядил бобину в магнитофон, положил фотографию в ящик стола и ушел в гардеробную Линды, где после недолгих поисков обнаружил флакон «Шанель № 5». Затем я открыл шкаф с косметикой и окинул взглядом коробочки и бутылочки на полках. Разумеется, любая из них тоже могла оказаться краденной.

В шкафу обнаружился флакон духов «Джой». Большой, красивый. Однажды я видел рекламу этих духов в журнале «Нью-Йоркер»: мол, хотите сделать даме дорогой подарок? Подарите ей духи «Джой». Закрыв дверцы, я ушел на кухню за льдом, ибо мне страшно хотелось выпить.

На кухне был жуткий беспорядок: посуда, что осталась от завтрака, стояла в раковине, а по столу были раскиданы остатки цыпленка в соусе карри, купленного навынос, – обед Линды. Картину довершали грязная тарелка, вилка и нож.

Пол был усыпан хлебными крошками. Я вспомнил, что Сисси приедет только завтра. Вернулся в кабинет, плеснул себе виски, уселся за стол и задумался, как быть. Признаюсь, меня охватила паника. Я видел, как все, ради чего я работал, все будущее идет прахом из-за жадности моей красивой жены. Ведь могла попросить, и я купил бы ей любые духи. Нет, эта безответственная дура решила, что лучше стать воровкой, хотя прекрасно понимала, чем это может обернуться для нас обоих.

Я не без труда переключился на Джесса Горди. Попробовал вспомнить разговор дословно, но не сумел, и для верности включил запись.

«У меня, мистер Мэнсон, есть пленка со столь убедительными доказательствами, что я не могу решить, стоит ли передавать ее в руки капитана Шульца. Мне кажется, сперва надо посоветоваться с вами и другими джентльменами, чьи жены ходят ко мне в магазин».

Выходит, Линда не единственная воровка.

Кого-то из соседей тоже шантажируют. Я лихорадочно думал: кого? Так, Митчеллы, Латимеры, Тиссены... Гилрой? Кридены? Список можно было продолжать и продолжать: избалованные жены при богатых мужьях. Все гораздо богаче меня, но Линда, пожалуй, была самой избалованной – по крайней мере, среди тех соседок, с кем я был хорошо знаком. Может, Горди заглянул и к их мужьям тоже? Допустим, среди них есть четыре воровки. Двадцать тысяч с носа – итого восемьдесят тысяч. Нужно лишь зайти к мужу, пригрозить и показать фотографию.

Меня обуял гнев. Я схватил телефонную трубку и позвонил Уэбберу.

Детективное агентство «Караул» принадлежало Генри Чандлеру, но управлял им Герман Уэббер. В прошлом он был лейтенантом полиции, но карьера его застопорилась. Уволившись, он основал частное сыскное агентство. Вскоре после этого пятеро первоклассных копов также бросили службу и перешли работать в агентство Уэббера: среди бывших коллег тот пользовался немалым авторитетом. Чандлер же профинансировал эту затею и взял всех шестерых под свое крыло.

Итак, «Глас народа» публиковал статьи, а Уэббер ворошил для нас грязное белье. Мне он не нравился: слишком упрямый, жесткий и несговорчивый. Но он разыскивал для нас факты, и это всегда работало.

В трубке раздался неприветливый резкий голос:

– Уэббер.

– Герман, это Стив, – сказал я. – Хочу поручить вам одну работенку.

– Продолжайте. Я записываю разговор.

В этом весь Уэббер: копы бывшими не бывают. Прежде чем приступить к делу, он всегда записывал поручение на пленку.

– Джесс Горди, – сказал я. – Управляющий магазином «Добро пожаловать». Мне нужно его полное досье. Повторяю, полное: вплоть до того, как часто он стрижет ногти на ногах. И побыстрее.

– Без проблем. Будет сделано. Мы давно завели на него отдельную папку. Нужно лишь добавить последние данные. Завтра после обеда все будет готово.

– Пусть будет готово к десяти утра.

Он присвистнул:

– Даже так?

– Чтобы в десять утра папка была у меня на столе, – сказал я и повесил трубку, после чего взглянул на часы. Было двадцать минут седьмого. Я пролистал записную книжку и нашел домашний номер Эрни Мэйхью. К телефону подошла его жена Марта.

– Эрни еще не приехал? Это Стив, – сказал я.

– Он отошел пописать, – сообщила Марта и рассмеялась. – Как у вас дела? Давненько мы не виделись. Может, встретимся? Например, в следующую пятницу. Приезжайте в гости.

– Хорошо, я поговорю с Линдой. Ты же знаешь, Марта, в таких делах мужчины не имеют права голоса. Может, у нее свои планы на пятницу.

– Что ж, будем надеяться на лучшее, Стив, – пропищала Марта.

Затем трубку взял Эрни:

– Привет, Стив!

– Слушай, Эрни, у меня срочное дело. Теще понадобилось сделать операцию. Прости, что звоню в неурочный час, но мне нужно успокоить Линду. Скажи, могу я рассчитывать на пятнадцать тысяч?

После паузы Эрни сказал:

– Ты что, хочешь попросить... – И осекся, поняв, что Марта все слышит.

– Да, именно так. В обеспечение долга могу предложить свой дом.

На сей раз он молчал еще дольше.

– Слушай, Стив, давай обсудим все завтра? Приезжай ко мне на работу в девять пятнадцать. Я сделаю себе пометку.

– Ну дай хоть понять, поможешь или нет.

– Завтра все обсудим. Я бы сказал, что сумма нереальная. В любом случае поговорим. Сожалею насчет тещи.

– Угу.

– Давай как-нибудь соберемся, а?

– Конечно. Ладно, Эрни, до завтра.

Повесив трубку, я услышал, как в гараж въезжает «остин-купер». Щелкнул выключателем настольной лампы, допил виски и стал ждать.

Открылась и захлопнулась входная дверь. Не потрудившись окликнуть меня, Линда убежала на второй этаж. Я слышал, как над головой цокают ее каблучки.

После паузы зашумел сливной бачок. Я ждал, не вставая с места. Зазвонил телефон. Он стоял у меня под рукой, но я не стал снимать трубку.

В спальне был параллельный аппарат. Линда ответила на звонок. Что-то прошептала, подошла к лестнице и крикнула:

– Стив! Это Фрэнк. Тебя спрашивает.

Я снял трубку:

– Привет, Фрэнк.

– Ну что, зайдете минут через двадцать? – спросил Фрэнк Латимер. Слушая его глубокий баритон, я задумался: неужели его жена тоже воровка, как и моя? – Салли купила коробку королевских креветок. Будут Джек, Сьюзи, Мерилл и Мэйбл. Вас ждать?

В кабинет вошла Линда.

– Не сегодня, Фрэнк. Спасибо за приглашение, – сказал я. – Похоже, я простудился. Хочу лечь пораньше. – Выслушав слова сочувствия, я повесил трубку.

– Простудился? – Линда гневно смотрела на меня. – О чем ты? У нас пустой холодильник! Перезвони ему и скажи, что передумал!

– Нам не мешает устроить разгрузочный день, – сказал я. – Присядь. Я хочу с тобой поговорить.

– Если собираешься торчать дома, я пойду одна!

Она шагнула вперед и протянула руку к телефону. В этот момент я достал из выдвижного ящика флакон «Шанель № 5» и водрузил его на стол.

Глава вторая

Довольно часто – и к большому сожалению – в отношениях между мужчиной и женщиной настаёт момент истины. Один смотрит на другого и понимает, что любовь уже в прошлом. Месяцы и годы совместной жизни вдруг обращаются в пыль, а от высоких чувств остается лишь пустое место.

Для меня такой момент истины наступил, когда я выставил на стол флакон «Шанель № 5» и ладонь Линды зависла над телефоном. Я смотрел, как она медленно убирает руку, а взгляд красивых серых глаз становится подозрительным и хитрым. Я смотрел, как губы ее сжимаются в тонкую линию, и впервые за время нашего знакомства думал, что не такая уж она и красавица.

Любовь – хрупкая штука. Прекрасная, но хрупкая. Если разбивается, то вдребезги. У меня же она не разбилась, а перегорела, как электрическая лампочка: раз – и все. Я смотрел на Линду, понимая, что больше не люблю ее.

И ждал. Она провела по губам кончиком языка и, не сходя с места, взглянула на меня.

– Зачем тебе мои духи?

– Сядь, Линда. Из-за тебя у нас большие неприятности. Давай подумаем, как все уладить.

– Не понимаю, о чем ты. – Она справилась с первым шоком, голос ее звучал уверенно, а лицо сделалось скучающим. Линда всегда напускала на себя такой вид, когда хотела выставить меня занудой.

– Джесс Горди. Знакомое имя?

Она нахмурилась:

– Нет. Да что с тобой такое? Знаешь, если не хочешь идти в гости, я пойду одна. Я...

– Горди – управляющий магазином «Добро пожаловать». Сегодня он заходил ко мне на работу, и я записал наш разговор. Присядь. Хочу, чтобы ты послушала запись.

Она нерешительно села.

– Зачем мне ее слушать? – В голосе ее не было прежней уверенности. Она смотрела на магнитофон, и я заметил, что руки ее сжались в кулаки.

Я нажал на кнопку воспроизведения. Застыв, мы оба выслушали обличительную речь Горди. Когда он заговорил о фотографии, я вынул ее из ящика стола и положил перед Линдой.

Она бросила на карточку быстрый взгляд. Лицо ее осунулось, и она вмиг сделалась лет на пять старше. После слов: «Не исключено, что ваша красавица-жена, мистер Мэнсон, угодит за решетку» – она вздрогнула, словно ее хлестнули кнутом.

Мы дослушали запись до конца. «Такая услуга будет стоить двадцать тысяч долларов. Недорого, с учетом того, что вы человек успешный. Приглашаю вас в гости... И только наличными».

Я нажал на кнопку «стоп», и мы с Линдой посмотрели друг на друга.

– Черт, ну и шумиха из-за флакончика духов, – сказала она после бесконечной паузы. – Ну, наверное, придется ему заплатить. – Она встала. – Я, конечно, сглупила. Но все девчонки таскают из этого магазина. А мне что, нельзя? К тому же правильно он говорит: это недорого, с учетом того, что ты человек успешный.

И она повернулась к двери. Раньше я никогда не бывал так зол. Вскочил на ноги, обошел вокруг стола и схватил ее за руку – в тот момент, когда она тянулась к дверной ручке. Ударил Линду по лицу так сильно, что если бы не держал, она не устояла бы на ногах. Но даже теперь она отлетела к стене и опустилась на колени. Я рывком поставил ее на ноги, хорошенько толкнул, и она упала в кресло: затаив дыхание, прижав ладонь к покрасневшей щеке, с ненавистью глядя на меня.

– Ах ты, мерзавец!

– А ты воровка!

– Я подам на развод! Ты меня ударил! – Теперь она кричала на меня. – Скотина, из-за тебя будет синяк! Господи, как же я тебя ненавижу! Как я сегодня выйду из дома? Что люди скажут, когда меня увидят? Свинья! Это ж надо, ударить женщину! Ты за это заплатишь! Еще пожалеешь!

Усевшись в кресло, я пристально смотрел на нее. Она стучала кулаками по коленям. Глаз ее начал заплывать. У нее был очень глупый вид: как у избалованного ребенка, устроившего истерику напоказ. Наконец она расплакалась. Выскользнула из кресла, подошла ко мне, опустилась на колени, обняла меня за талию и зарылась лицом мне в грудь.

– Сделай так, чтобы меня не арестовали, Стив! Сделай так, чтобы меня не посадили в тюрьму!

Мне было жаль ее, только и всего. Еще вчера после таких объятий я потащил бы ее в постель, но теперь они ничего для меня не значили.

– Линда, возьми себя в руки! – услышал я собственный грубый голос. – Выход из положения нужно искать сообща. Ну же! Встань!

Подняв заплаканное, опухшее лицо, она разжала руки.

– Ты, наверное, ненавидишь меня, Стив? Ну да, так мне и надо. – Она сдавленно всхлинула. – Стив, выручи меня, и я буду тебе хорошей женой. Я...

– Молчи! Не говори того, о чем позже пожалеешь. Сядь. Я налью тебе выпить.

Она медленно поднялась на ноги:

– Господи! Ну ты и командир. Никогда бы не подумала... – И она плюхнулась в кресло.

Я открыл бар и налил в два стакана виски. Понес их к столу, и тут зазвонил телефон. Поставив стаканы, я снял трубку.

– Можно Линду? – спросил женский голос.

– Линда в постели. У нее грипп. Кто это?

– Лучилла. Грипп? Ох, как жаль. Вам нужна помощь? Не стесняйтесь, говорите. Могу зайти. Я умею варить замечательный суп.

Лучилла Боуэр жила в бунгало на краю нашей улицы: долговязая лесбиянка средних лет, довольно некрасивая. Подозреваю, что она питала определенный интерес к некоторым девушкам из нашего поселка.

– Спасибо, Лучилла. Мы справляемся.

– Бедняжка. И все же я могла бы зайти. Составить ей компанию.

– Сейчас она в компании трех таблеток «Аспро». Но все равно спасибо.

– Что ж... не буду вас задерживать. Знаю, вы человек занятой. Обожаю ваш журнал, Стив.

– Приятно слышать. До свидания. – И я повесил трубку.

Линда тем временем допила свой виски. Я видел, что она дрожит. Глаз у нее совсем запыл. Я вновь наполнил ее стакан.

– И что теперь делать? – спросила она. – Господи! Ты меня ударил! Что теперь делать? Ты заплатишь этому мерзавцу?

Я сел и закурил.

– Это же шантаж. Думаешь, стоит заплатить?

– Стоит? – взвизгнула она. – Из-за него я могу сесть в тюрьму!

– Ну что ты так перепугалась? – Я смерил ее взглядом. – В конце концов, ты же воровка, и этому есть доказательства. Всякому вору известно, что если его поймают, то он отправится за решетку.

– Ты что, хочешь меня напугать? Не желаю тебя слушать! Ты же ненавидишь меня, так? А по своей секретарше пронырливой с ума сходишь! Знаю я, чем вы занимаетесь в своем офисе! Знаю!

подавшись вперед, я пристально смотрел на нее:

– Хочешь, чтобы я еще раз тебя ударил? Смотри, договоришься.

– Не смей меня трогать! Я буду кричать! Я буду звать полицию! Не смей!
Вдруг мне стало тошно – и от нее, и от всего остального.

– Ступай, Линда. Дай мне все обдумать. Просто уйди.

– Мне нельзя в тюрьму! Понимаешь, какой это позор? – Она снова заплакала. – Помоги мне! А про твою секретаршу... Это я пошутила! Ох, как же мне страшно. Сама не знаю, зачем я стащила эти духи. Все так делают!

Я больше не мог этого терпеть. Мне нужно было подумать, посидеть в одиночестве. Я встал и вышел из комнаты.

– Стив, ты куда? Не бросай меня! – отчаянно кричала Линда.

Но я лишь ускорил шаг. Вышел из дома, сел в машину и уехал. Вдоль дороги стояли роскошные дома, на лужайках соседи возились со своими барбекю. Мне же хотелось умчаться на край света и забыть обо всем.

* * *

Когда я поставил машину на личную парковку возле офиса, часы на здании городского совета били семь.

Дверь была закрыта. Я позвонил, и ночной сторож Джоуи Смолл впустил меня.

– Решили поработать вечером, мистер Мэнсон?

– Именно.

Офис был единственным моим пристанищем. Только здесь я мог спокойно подумать, поискать выход из положения. Поднявшись на лифте, я прошагал по коридору, открыл дверь и тут же услышал клацанье пишущей машинки Джин.

Странно, что она до сих пор на работе. Хотя ничего удивительного: Джин никогда не уходит домой, не закончив всех дел. За эти несколько лет я проникся к ней глубочайшим уважением и понимал: без Джин наш журнал не стал бы столь популярен.

Включив свет в прихожей, я заглянул в приемную.

Джин сидела за столом, пальцы ее порхали над клавишами пишущей машинки. Она подняла взгляд. Глаза ее округлились, машинка перестала клацать.

– Простите, если напугал, – сказал я. – Вы, наверное, уже заканчиваете?

– Стив, зачем вы вернулись?

– Нужно кое-что обдумать.

– Уолли завалил меня работой, но я скоро закончу.

Взглянув на нее, я впервые увидел не бойкую секретаршу, а привлекательную женщину. Что сказать, приятное зрелище.

Джин была высокой брюнеткой с серьезным умным взглядом. Я впервые заметил, что у нее очень милая грудь и красивые руки. Шелковистые волосы доходили ей до плеч. И еще у нее была прелестная шея.

– Что-то не так? – спросила она. – У вас нездоровый вид.

Внезапно я понял, что могу разделить с ней свою ношу. Вошел в приемную и закрыл дверь.

– Линда только что сказала, что знает, чем мы с вами тут занимаемся, – сказал я, усевшись у стола. Но смотрел не на Джин, а на собственные руки.

– Зачем же она так? – Голос Джин был тих и мягок.

– Мы поссорились, и она искала любую возможность сделать мне больно.

– Мне очень жаль. Я могу чем-то помочь?

Я поднял глаза. Джин озабоченно смотрела на меня. Видно было, что она и правда хочет мне помочь.

– Дело не только в ссоре, Джин. У меня неприятности. Мне не хотелось бы об этом говорить, ибо это не мой секрет. Знаете что? Заканчивайте с отчетом Уолли, никуда он не денется. Мне нужно подумать, не отвлекаясь на стук машинки. Хорошо?

– Вы уже ели?

– Господи, нет! Мне кусок в горло не полезет. Сейчас у меня совсем другое на уме.

Она встала.

– Пойдемте ужинать. Я проголодалась. Потом вернетесь. И думайте сколько душе угодно.

Она была права. Я так себя накрутил, что нужно было развееваться. Иначе ничего не придумаю.

Любопытно... Впервые за несколько лет я поведу в ресторан не Линду, а другую женщину.

– Джин, вы умница. Ну, пойдемте... Только куда?

– К Луиджи. – Она щелкнула выключателем настольной лампы. – Подождите три минутки, хорошо?

Я зашел к себе в кабинет, закурил и стал ждать. В голове у меня было пусто. Я был рад, что смогу излить душу, и старался не вспоминать, что Линда сидит сейчас одна в нашем роскошном доме. Да еще и с подбитым глазом.

Вошла Джин, на ходу надевая легкий плащ.

– Поедем на моей машине, – сказала она. – Ну, вперед.

Мы уселись в ее «порше» – прощальный подарок Чандлера. Движение было напряженным, найти место для парковки оказалось непросто. Я понял, почему Джин предложила ехать на ее машине: мой здоровенный «мерседес» было бы некуда поставить. Что ж, одной проблемой меньше. А Джин и правда умница.

Через десять минут она припарковалась, и мы вошли в уютный ресторанчик Луиджи. Как ни странно, я был здесь впервые, но Джин, похоже, нередко сюда заходила. В зале были еще три пары, но знакомых лиц я не увидел. Луиджи, цветущий толстяк, коснулся губами пальцев Джин, поклонился мне и проводил нас к угловому столику.

– Если вы не против, я сама сделаю заказ, – сказала Джин, когда мы сели.

– Я не голоден. – Мне было противно даже думать о еде.

Луиджи нависал над нами, и черные глазки его блестели, словно оливки в масле.

– Луиджи, принесите устриц, пожалуйста. Покрупнее. И бутылку «Шабли».

Неплохой выбор. Устрицу я, пожалуй, смогу проглотить.

Луиджи ушел.

– Все дело в Горди, да? – спросила Джин, глядя мне в глаза.

Я удивился, но, помедлив, кивнул.

– Шантаж?

– Как вы угадали?

– Ничего сложного. Уолли проводит расследование, я перепечатаваю его записки. Когда Горди явился к вам, все стало очевидно.

– Уолли проводит расследование? – Я оцепенел. – Ему известно про Линду?

– Нет. В ином случае он пришел бы к вам и все рассказал. Уолли восхищается вами, Стив. Он нашел несколько имен и копает дальше. В основном это прислуга. В списке ваша служанка Сисси.

Я достал платок и вытер вспотевшие ладони.

– А кроме прислуги? Помните какие-нибудь имена?

– Салли Латимер, Мэйбл Криден, Лучилла Боуэр.

Принесли устриц, обложенных колотым льдом. Разлив вино по бокалам, Луиджи лучезарно улыбнулся, и они с официантом удалились.

– Откуда Уолли все узнал? Где он взял эти имена?

– Понятия не имею. Я лишь перепечатала его листки. Там были и другие имена, но я их не помню.

– Уверены, что в этом списке нет Линды?

– Ну конечно.

– Он что-то говорил насчет статьи о магазине, но не сказал, что уже собирает сведения.

Интересно почему?

Подцепив устрицу, Джин отправила ее в рот.

– Вы же знаете нашего Уолли. Он любит делать сюрпризы. Наверное, хотел принести вам все на блюдечке.

Да, вполне возможно. Уолли был одиночка. Я и знать не знал, что он занимается капитаном полиции, пока Уолли не выложил передо мной все факты и цифры.

Как ни странно, я сумел проглотить устрицу. И вторую, и третью.

– Линда украла флакон духов. У Горди есть запись с камеры наблюдения. Он хочет двадцать тысяч долларов.

Джин тихонько охнула:

– Которых у вас нет.

Все мои чеки проходили через нее, и она была в курсе моего финансового положения.

– Которых у меня нет. Похоже, мне конец. И журналу тоже. Я уже поручил Уэбберу покопаться в прошлом Горди. Надеюсь, он что-то найдет. Больше надеяться не на что. Если повезет, я смогу ответить шантажом на шантаж.

– Осторожнее с Уэббером. Это человек мистера Чандлера.

– Верно. Сегодня вечером мне нужно поговорить с Уолли.

– Зачем?

– Хочу выяснить, откуда он взял имена. Это важно.

– Стив, вы же знаете: наш Уолли не раскрывает своих источников. Вы ничего от него не добьетесь.

– Придется попробовать.

Она кивнула:

– Доедайте устриц, а я позвоню ему домой. Может, застану.

Выскользнув из-за стола, она направилась к телефонной будке. Я посмотрел на блюдо с устрицами, решил, что наелся, и перевел взгляд на ее стройную фигуру. Через три минуты Джин вернулась к столику:

– Уолли только что ушел. К Макс. Ширли сказала, он вернется примерно через час.

– Думаете, Макс в курсе дела?

– Это исключено. – У Джин был взволнованный вид. – Вы же понимаете, Стив, что я выдала вам секрет? Уолли просил никому не говорить об этих записках.

– И правильно, что выдали. Дело-то серьезное, – произнес я.

– Не удивляйтесь, если Уолли ничего вам не расскажет.

– Расскажет! Он просто обязан все рассказать!

– А что вы не едите?

– Не знаю. Наелся, наверное.

– Стив! Ну-ка перестаньте! Это же не конец света.

Я подумал о Линде: как она сидит дома, голодная, с подбитым глазом. Зря я ее бросил.

– Мне нужно позвонить.

Я ушел в телефонную будку, набрал свой домашний номер. После долгой задержки мне ответила женщина:

– Мистера Мэнсона нет дома, а миссис Мэнсон нездоровится. Кто это?

Я узнал гнусавый голос Лучиллы Боуэр и повесил трубку. Линда быстро нашла, кому поплакаться. Интересно, хватит ли ей ума не рассказывать о флаконе духов? И тут я вспомнил,

что Лучилла тоже воровка. Ее имя было в списке Уолли. Выходит, у меня теперь не дом, а воровской притон.

Я вернулся к столику и сказал:

– Давайте возьмем еще устриц. Больному человеку от них сплошная польза.

– Хватит, Стив! – резко произнесла Джин. – Только не начинайте жалеть себя. Такого я не потерплю.

Я бросил на нее изумленный взгляд:

– Ничего себе! Что ж, прошу прощения. Сами понимаете, вечер выдался непростой. И все же я съел бы еще устриц.

Джин взглянула на Луиджи и подняла руку. Устрицы прибыли с такой скоростью, словно только и ждали, как бы попасть к нам на стол.

* * *

Через сорок минут мы вышли из ресторана, и Джин отвезла меня назад к офису. Я решил съездить к Уолли и поговорить с ним лично, хоть Джин и настаивала, что дело может потерпеть до завтра.

– Спасибо за все, Джин, – сказал я. – Вы спасли мне жизнь.

Какое-то время она смотрела на меня, потом улыбнулась и уехала прочь.

Я же отправился на другой конец города. Уолли жил в скромном бунгало – миленьком, но не более того. И к тому же в зоне смога. Однако я был уверен, что его банковский счет выглядит лучше моего.

Остановившись возле дома Уолли, я с удивлением увидел, что в окнах нет света. Взглянул на часы. Было всего лишь начало десятого. Я вышел из машины, открыл калитку, подошел к двери, нажал на кнопку звонка, подождал. Ничего не произошло. Я позвонил снова.

– Их нет дома, – раздался чей-то голос.

Я обернулся. У калитки стоял пожилой мужчина с собакой.

– У них беда, – продолжил он. – Вы друг мистера Митфорда? Я его сосед.

Я подошел к калитке:

– Меня зовут Стив Мэнсон. Беда?

– Я читал про вас, мистер Мэнсон. У вас отличный журнал. Да, настоящая беда. На несчастного Уолли напали грабители. Его увезли в больницу.

По спине у меня снова прошел холодок.

– Его сильно избили?

– По-моему, да. Полицейские вызвали «скорую». Миссис Митфорд уехала вместе с ним.

– В какую больницу?

– В Северную.

– Можно от вас позвонить?

– Конечно, мистер Мэнсон. Я живу в соседнем доме. – Он свистнул пса и проводил меня к своему бунгало – точной копии дома Уолли.

Через две минуты я разговаривал с Джин:

– Митфорда избили. Он в Северной больнице. Вы не могли бы приехать? Ширли наверняка понадобится помощь.

– Сейчас буду, – сказала она и повесила трубку.

Я думал, что Джин приедет позже меня, но у больницы мы оказались одновременно. Наверное, ее «порше» был помощнее моего «мерседеса». Она вышла из машины, и мы мрачно переглянулись.

– Он совсем плох?

– Не знаю. Давайте выясним.

Оказалось, что в тот вечер дежурил доктор Генри Стэнстед, мой приятель по игре в гольф.

– Что скажете, Генри? – спросил я, заглянув в ординаторскую.

– Дело плохо. Эти подонки на нем живого места не оставили. Сломана челюсть, треснули четыре ребра. И его по меньшей мере трижды ударили ногой по голове.

– А Ширли?

Он кивнул на дверь:

– Там. Послушайте, Стив, сегодня у нас напряженная смена. Вы не могли бы взять Ширли на себя?

– Для того и приехали. – Я повернулся. – Джин?..

Она кивнула и скрылась за дверью.

– Он выживет?

– Да, но ближайшие дни будут сложными. Не исключено, что он ослепнет на один глаз.

– А что полиция?

– Взять показания можно будет дней через пять. В лучшем случае через четыре. Раньше он не заговорит.

Джин вывела из комнаты Ширли, дрожащую, зареванную. Я подошел к ним:

– Ширли, милая, мне так жаль...

Промокнув опухшие глаза носовым платком, она бросила на меня гневный взгляд:

– Это все ты и твой проклятый журнал! Я предупреждала Уолли, а он и слушать ничего не хотел!

Она вцепилась в Джин. Та посмотрела на меня и покачала головой. Я отступил в сторону, и обе женщины ушли.

– Ну ладно, Стив. Звони и заходи в любое время. Он выживет.

Пожав мне руку, Стэнстед убежал по делам.

Четыре-пять дней! Я подумал про Горди. Оставалось надеяться на Уэббера. Если он не поможет, мне конец.

Я поплелся по бесконечному коридору в приемный покой.

– Мэнсон?

Обернувшись, я увидел крупного мужчину в фетровой шляпе с широкими полями и мешковатом дождевике. Лу Бреннер, сержант городской полиции.

Тридцать восемь лет. Каменная физиономия, расплющенный нос, бегающие голубые глазки, вечная щетина, мощное телосложение и сомнительная репутация. Поговаривали, что он любит сперва ударить побольнее, а потом уже задавать вопросы. Однажды Уэббер сказал мне, что Бреннер не считается ни с кем, кроме капитана Шульца. Мне стало интересно, и я спросил почему.

– Вы не поверите, но у этого сукина сына славная жена. Однажды, когда миссис Бреннер возвращалась домой, на нее напал шальной наркоман. Шульц – тогда он был лейтенантом – все видел, но стоял слишком далеко. У наркомана был нож. В общем, Шульц его пристрелил. Говорят, то был самый меткий выстрел с тех пор, как придумали порох. Преувеличивают, конечно. Но пуля прошла прямо под рукой миссис Бреннер и попала наркоману в голову. У жены Бреннера осталась царапина от ножа. С тех пор сержант боготворит Шульца. Он не забыл о том выстреле, и никогда не забудет.

Я взглянул на Бреннера:

– Вы что-то хотели?

– Угу. – Он сердито зыркнул на меня. – Этот ваш парень, Митфорд... Интересная персона. Над чем он работал?

– А вам какое дело?

– Свидетели говорят, как только он вышел из машины, на него набросились двое. Избили, забрали пухлый портфель и сбежали. Мы хотим понять, что это было: простое хулиганство или кто-то хотел заткнуть ему рот.

Я лихорадочно думал. Уолли занимался контрактом на строительство новой школы. Наверняка в портфеле был компромат на Хэммонда. А может, записки по магазину «Добро пожаловать» с именами богачей Истлейка? В любом случае Бреннеру об этом знать ни к чему.

– Он расследовал строительные махинации, – сказал я. – Слышали про новую школу? Смету раздули на пятьдесят тысяч долларов.

Бреннер задумчиво смотрел на меня.

– Ну, это вопрос к городскому совету. Что-нибудь еще?

– Насколько мне известно, нет.

– Пожалуй, поговорю с его женой. Она уже дома?

– Думаю, да. Говорите, вопрос к городскому совету? И что с того? Поверьте, это очень неудобный вопрос.

Бреннер сдвинул шляпу на затылок:

– Угу. Что ж, на неудобные вопросы бывают неприятные ответы. Опасные для здоровья.

– Можно вас цитировать, сержант? Мистеру Чандлеру будет любопытно узнать ваше мнение.

– Вы так считаете? – Он посмотрел куда-то в сторону. – Говорите, да не заговаривайтесь. –

И он вышел из больницы.

Я с тревогой подумал, как ему понравится следующий номер журнала. Наверняка Ширли известно о статье про капитана полиции. Сейчас она не в себе, и если Бреннер станет ее допрашивать, она все расскажет. Я подошел к телефону-автомату и набрал домашний номер Уолли. Никто не ответил. Должно быть, Джин отвезла Ширли к себе. Я позвонил ей, и она сняла трубку после первого гудка.

– Ширли у вас? – спросил я.

– Только что ее уложила. Дала ей две таблетки снотворного. Будет спать до утра.

– Полицейские хотят с ней побеседовать, Джин. Никому не говорите, что она у вас. И что это за фраза насчет «проклятого журнала»?

– Она думает, что на Уолли напали из-за сметы на новую школу.

– Ей известно про магазин «Добро пожаловать»?

– Вряд ли. Она все повторяла имя Хэммонда.

– Если утром Ширли не успокоится, не выходите на работу. Побудьте с ней. Не хочу, чтобы в полиции всплыла история про магазин.

– Все будет хорошо. Позвоните мне утром, часов в восемь?

– Обязательно. И еще раз спасибо.

Я повесил трубку и вышел на улицу. Похоже, сегодня я сделал все, что мог. Завтра встречу с Эрни Мэйхью, попробую выпросить у него денег. Потом отправлюсь на работу и прочитаю личное дело Горди. Теперь все зависит от Уэббера. Если он подведет, мне придется каким-то образом найти двадцать тысяч.

Домой я вернулся в пятнадцать минут одиннадцатого. Света в окнах не было. Неужели Линда легла спать? Было бы неплохо. Мне не хотелось с ней разговаривать. Я отомкнул входную дверь, прошел в гостиную, включил свет и осмотрелся.

На столе лежал листок бумаги. Я взял его в руки.

В записке говорилось:

Дорогой Стив,

я забираю Линду к себе. Через пару дней ее глаз придет в норму. Пока что она побудет у меня, чтобы не поползли слухи.

Никогда не бейте женщин по лицу. Хотите отвести душу, ударьте по заднице. Результат тот же, а синяка не видно.

Лучилла

Я смял записку и бросил ее в мусорную корзину.

Налил себе выпить и уселся в кресло.

Впереди была долгая одинокая ночь. Тревога нарастала. Я пытался справиться с ней, но безуспешно.

* * *

В восемь утра я позвонил Джин:

– Как Ширли?

– Нормально. Стоит рядом, хочет вам кое-что сказать.

После паузы я услышал голос Ширли:

– Стив! Прости за вчерашнее. Я наговорила глупостей. Сама не понимала, что несу.

Я сделал глубокий вдох:

– Не переживай. Считай, что ничего не было.

– Как же не было, когда было! Хорошо хоть Уолли меня не слышал. Представляю, как он бы меня отчитал. Я, как его увидела, чуть не лишилась рассудка. Господи! Как же ему досталось! – Всхлипнув, она помолчала и продолжила: – У тебя прекрасный журнал, Стив. Уолли знал, чем рискует, и я тоже знала. Но когда это случилось, я просто поверить не могла, что люди бывают такими жестокими.

– Я расскажу обо всем Чандлеру. Он поможет. Уолли поправится, пусть и не сразу. Я побеседовал со Стэнстедом. Тебе не о чем волноваться. – Я не стал говорить, что Уолли может ослепнуть на один глаз. – Ширли, когда к тебе придут полицейские, старайся повнимательнее выбирать слова. Не упоминай статью про Шульца. Это взрывоопасная тема. Скажи, что Уолли разбирался с контрактом на строительство школы, и только. Поняла?

– Да, конечно. Кстати, ваша Джин такая умница! Мы с ней собираемся навестить Уолли.

– Я буду на связи.

– Ты же не обижаешься, Стив?

– Нет. Все хорошо. Позовешь Джин?

Джин взяла трубку.

– Сейчас свяжусь с Чандлером, а потом поеду в банк, – сказал я. – После этого буду ждать вас в офисе.

– Хорошо, Стив.

Я позвонил Чандлеру на домашний и едва успел его застать: он как раз уходил на работу. Рассказав, что случилось, я добавил:

– Уолли, по всей видимости, избил из-за школьного контракта.

Чандлер повел себя вполне ожидаемо:

– Где он?

– В Северной.

– Хорошо, Стив, я займусь этим вопросом. Справлюсь о его состоянии. Передайте Ширли, что я все улажу. Все до последних мелочей. Со вчерашнего дня его жалование удвоено. Если эти сволочи думают, что меня можно запугать, пусть подумают еще раз. Займитесь Хэммондом и не стесняйтесь в средствах. Понятно?

Да, мне все было понятно. Но Чандлер, в отличие от меня, не рисковал собственной шкурой.

Настанет и мой черед, думал я. Тоже буду валяться в Северной со сломанными ребрами и сотрясением мозга.

– Хорошо, мистер Чандлер. Не желаете лично поговорить с Ширли?

– Лично? Я сейчас поеду в больницу. Там ее и увижу. – Помолчав, он добавил: – Похоже, наш журнальчик навел шороху.

– Похоже на то. – Я подумал про Шульца.

– Так держать, Стив. – Он повесил трубку.

Я сварил кофе, после чего поехал в бунгало Лучиллы. Она сама открыла дверь: рослая костлявая женщина со стрижкой «под мальчика», тонким носом и холодными зелеными глазами. В рубашке и слаксах она выглядела мужиковато – как и положено лесбиянке.

– Здравствуйте, Стив. Проходите. Наша бедняжка до сих пор спит.

Следом за ней я вошел в большую гостиную, обставленную разномастной мебелью, но вполне уютную. В комнате было множество книг. Чтобы заработать на жизнь, Лучилла писала статьи для журналов об искусстве и книжные обзоры для «Калифорния таймс».

Чандлер был о ней весьма высокого мнения.

– Как она?

– По-прежнему с фингалом.

– Она рассказала, как у нее появился этот синяк?

Лучилла кивнула:

– Бывает, дамы совершают глупые поступки.

– Двадцать тысяч долларов – немалая цена за глупость.

– Все зависит от точки зрения. Может, цена и не столь велика. Представьте, что вас обоих заставят уехать из этих мест. И вы потеряете работу, на которой вам платят тридцать тысяч в год.

– Не исключено, что вам тоже придется уехать. Чандлер не пожелает иметь ничего общего с воровкой.

Она негромко усмехнулась:

– Мой отрезок пленки уже у меня. Обошелся в две тысячи. Мерзавец требовал пять, но мне удалось его урезонить, и мы сошлись на двух.

– Откуда вы знаете, что он не припрятал фотографии?

– Зачем? Это легкие деньги. – Она снова усмехнулась. – Я, признаться, восхищаюсь им. Многие из здешних подворовывают. Так почему бы и ему не получить свое?

– Две тысячи и двадцать – это несколько разные суммы.

– Горди не дурак. Он понимает, с кем имеет дело. В конце концов, Линда похожа на богачку, а я нет. – Она смерила меня насмешливым взглядом. – Дорогуша, вы же купаетесь в роскоши. Или я ошибаюсь?

– Кто-нибудь еще заплатил ему? – спросил я, направляясь к двери.

Лучилла пожала плечами:

– Откуда мне знать? Но в одном я уверена: здешние мужчины – если не считать вас – не бьют своих жен.

– Может, и зря, – сказал я и ушел.

По крайней мере, теперь у меня была кое-какая информация. По словам Лучиллы, ей удалось сбить цену. Может, и у меня получится? Дело нужно уладить до выхода статьи о шефе полиции, чтобы у Горди не разыгрался аппетит.

Я поехал в банк.

– Присаживайся, Стив, – сказал Мэйхью. – Ты человек занятой, я тоже, так что к делу. Я оценил ситуацию. Можешь рассчитывать на овердрафт в пять тысяч долларов, не больше. Устроит?

– Эрни, а десять нельзя? Вопрос крайней необходимости.

– Извини. Честно говоря, даже пять нельзя, но я готов пойти тебе навстречу. Пойми, не я управляю этим банком. У меня над душой стоят трое директоров.

– А в счет дома? Тоже не получится?

– Дом у тебя уже заложен и перезаложен, так что на это можешь не рассчитывать.

Я грустно усмехнулся:

– Что ж, спасибо, Эрни. Пять – значит пять.

– Жаль, что больше ничем не могу помочь. Теща совсем плоха?

– Ну, наверное.

Он изобразил сочувственную улыбку. Интересно, ходит ли его Марта в магазин «Добро пожаловать»? И если да, ворует ли, как остальные?

Я приехал на работу и поздоровался с Джуди: та сидела у коммутатора. Она сообщила, что Джин еще не появлялась. Я сказал, что знаю, и ушел к себе в кабинет.

Последней моей надеждой был Уэббер. Если подведет, останется лишь пойти к Лу Мейру и одолжить деньги под шестьдесят процентов.

Я сел просматривать почту. Наконец позвонил Уэббер.

– Чертовски странное происшествие. – Голос его звучал грубо, по-полицейски. – Ночью кто-то вскрыл мой кабинет и стащил десять папок, включая дело Горди.

Я стиснул телефонную трубку так, что побелели костяшки пальцев.

– Не помните, что было в папке?

– Видите ли, у нас их пятнадцать тысяч, таких папок. Джек Уолш собрал информацию по Горди восемь месяцев назад. А пару недель назад уволился. Я же просматриваю личные дела только при необходимости.

Конечно, я мог ошибаться, но по голосу Уэббера мне показалось, что он лжет.

– Где сейчас этот Уолш?

– Понятия не имею. Он закладывал за воротник, так что я от него избавился. С чего у вас такой интерес к этому Горди? Он так важен для вас?

– Что полиция говорит по поводу взлома?

– Думаете, я обращался в полицию? – Уэббер громко расхохотался. – Копы сторонятся меня как прокаженного. В любом случае не вижу смысла переживать. Работал профессионал, а в пропавших папках не было ничего существенного.

– Тогда зачем их украли?

– Я ввел мистера Чандлера в курс дела, – сказал Уэббер после долгой паузы. – Он велел обо всем забыть и не впутывать в это дело полицию.

– Вы не ответили на мой вопрос. Исчезло десять папок. Как минимум одна из них должна представлять интерес.

– Чуть какая-то. У меня, знаете ли, дел невпроворот. Если вам так любопытно, можете задать свои вопросы мистери Чандлеру. – И он бросил трубку.

Подумав несколько минут, я снова набрал номер Уэббера.

– Детективное агентство «Караул», – сказала девушка.

– Вас беспокоят из юридической конторы «Труман и Лейси». Насколько я знаю, у вас работал человек по имени Джек Уолш. На его имя было оставлено завещание. Вы не могли бы дать мне его адрес?

– Боюсь, вы ошиблись, – тут же ответила девушка. – У нас никогда не было сотрудника с таким именем.

Я положил трубку на место. Теперь я точно знал, что Уэббер лжет.

Глава третья

В дверь постучали, и в кабинет вошел Макс Берри, второй репортер журнала, тридцатилетний здоровяк с черными глазами и расплюснутым носом (в университете он увлекался боксом). С журналистскими расследованиями он справлялся похуже, чем Уолли, но был старательным и цепким, как терьер-крысолов. Одевался он небрежно, мешковатые костюмы его вечно были в каких-то нитках, а узел красного галстука сбивался в район левого уха.

– Что сказать, не повезло нашему Уолли, – произнес он, закрыв дверь.

– Не то слово. Присаживайся.

Я никак не мог прийти в себя после разговора с Уэббером. Наш детектив играл против меня, но почему? Этого я не знал: не было времени подумать. Вероятнее всего, его жена Хильда тоже приворовывала в магазине. Другой причины я не видел.

– Я только что из больницы, – продолжил Макс, опустившись в кресло. – Батюшки-светы, ну его и обработали! Лучше бы на меня напали. Бедняга Уолли не способен себя защитить. Меня бы эти подонки запомнили, уж поверь. – Он запустил пальцы в черную шевелюру. – Какие мысли, Стив? Думаешь, это случилось по указке Хэммонда?

– Похоже на то... – Я никак не мог отделаться от мысли о Горди и его магазине. – Не знаю. Может, хулиганство?

– Это вряд ли. У Уолли был с собой портфель, а в портфеле – сплошные неприятности. Он парень скрытный. Вчера вечером мы с ним сидели над сметой Хэммонда, но я видел, что он думает о своем. Должно быть, занимался чем-то еще. Может, поэтому и угодил в больницу. Он тебе ничего не говорил?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.